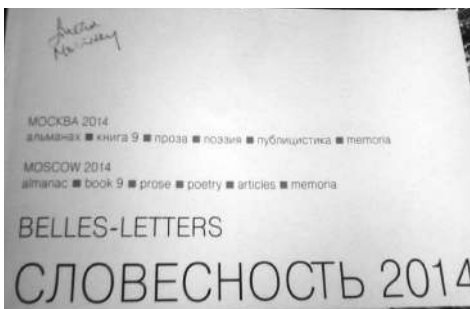

МАСТЕРСКАЯ

Наталья РОЖКОВА

И В ЧИСТЫЙ ЛИСТ ВСТУПАЕТ НАЛЕГКЕ...

Илья Тюрин

Обзор самотека

Не так давно в нашем альманахе появилась рубрика «Новые литературные знакомства», представившая читателю талантливых, «неизведанных доселе» авторов. Редколлегия альманаха постоянно получает рукописи стихов, прозаических произведений, эссеистику... Почему-то вспоминаются давние годы моей работы в должности зам. зав. отделом поэзии журнала, когда каждый день, открывая шкаф с огромными папками, я погружалась в мир того или иного страдальца, поделившегося сокровенным. От одних страниц исходил запах крепкого табака, от других — изысканных или дешёвеньких духов, от третьих — прошу прощения, воблы... И всегда представлялось лицо человека, выводившего эти строки, думалось о его характере. Сейчас всё поместилось в компьютере, и лица сложнее представить, следовательно, можно сосредоточиться только на творчестве. Ан нет! Всё же вижу личностные очертания, хотя запретила себе читать биографии.

Хотелось бы начать с «молодых», хотя не понимаю этого определения. «Молодой писатель» — это тот, которому ещё нет 35, как принято считать? Или 30? Или 25? А может быть, это тот, кто, независимо от возраста, недавно начал пробовать себя на литературном поприще? Нет ответа. Однако, читая стихи нынешних молодых, обратила вни-

мание на следующий момент: они, за редким исключением, делятся на две линии: «Ильи Тюрин» и «Алексея Шадринова». Так звали выдающихся поэтов нашего времени, которым был отпущен очень короткий срок на Земле: оба прожили едва девятнадцать лет. Первый утонул в 1999-м, второго довели до самоубийства в армии в 1993-м. И хотя прошло уже немало лет после их трагического ухода, и многое изменилось в обществе, во внутренней и внешней политической ситуации, практически все сферы жизни затронул Интернет, отголоски этих двух линий ощутимы. Ничего плохого в этом не вижу, и отнюдь не стремлюсь упрекнуть нынешних «молодых» во вторичности. Образы двадцатичетырёхлетней Евгении Мильченко из Самары — метафоричны, в них, как и в стихах Тюрин, каждая грань бытия может повернуться неожиданной стороной, как во сне, или на сюрреалистическом полотне, внушить страх или восхищение:

* * *

*Мне грезились в нависшей тишине
напевы капель в старом водостоке,
как ветер, вспоминая обо мне,
шептал, порезавшись об острый край осоки,
как постепенно вкрадываясь в кровь,
дрожала жалоба беспомыслия осины,
как пахла плугом вспоротая нощь,
как из долины приходили сны
в туман болот и в гиблые трясины —
в весну, где я из глины тишины
вылепливаю голос окарины.*

Окарина, если кто не знает — древний духовой музыкальный инструмент, глиняная свистковая флейта...

Перейти к следующей возрастной категории оказалось не так просто: сколько лет запомнившемуся автору, неизвестно. Умеют дамы скрывать, хотя на фотографии — молодое и красивое лицо. Поэтому будем руководствоваться другим критерием. Рукопись пришла из Дальнего Зарубежья. Елена Грозовская — поэт, прозаик и художник. Живёт в Швейцарии. Её стихи не растворились в избитых ностальгических мотивах, и похожи на дуновение живого, весёлого ветра:

Меняю город — на залив,
Хоромы княжие — на домик,
«Шанель» — на запах свежих слив,
Счёт в банке — на затёртый томик

Любимой Беллы. Как же мне
Не осенить лица рукою,
Когда безверие в вине
Сменю на солнце за рекою?

И в хрупкий рай на Лиль Жардан,
Там за мостом в цветочном иле,
Пчелою жёлтой по лугам
В сиренью пахнущем июне,
Неспешно залечу, жужжа —
Над водной гладью зависая,
Под крышу старого сарая
В окно второго этажа.

Обещала не читать биографии, но не могу не процитировать аннотацию следующего автора из города Сочи: «Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним — Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника». (Салтыков-Щедрин, если помнится, тоже служил в Министерстве внутренних дел). Такая судьба, в которой во многом отразилась история страны, подвигла автора к написанию сказок — мудрых и забавных, где под видом орлов и пескарей, зайцев и кроликов, фигурируем, конечно же, мы с вами. Меня больше всего тронула история черепахи Тиллы, желавшей летать. Мечтательница уговорила птицу-Грифа поднять её в небо:

«Ярко сияло солнце, создавая вокруг праздничную атмосферу. И летела Черепаха под восторженный гул леса, задыхаясь от счастья.

На вершине счастья слишком мало места, чтобы там можно было задержаться надолго. Рано или поздно приходится спускаться.

Удар о камень завершил земной полёт Тиллы. Правда, полёт продолжился сквозь возникшую откуда-то тьму к далёкому искрящемуся свету...»

И вновь — возвращение к «молодым». Завершить эти заметки мне бы хотелось небольшим эссе Сергея Уткина из Санкт-Петербурга:

НЕСЛЫШНЫЕ МИРУ СУДЬБЫ ИЛИ ОКЛИКАЯ ЖИЗНЬ

Пожалуй, каждый пишущий человек, беря приступом слов новые и новые страницы, надеется произнести себя громко и внятно, быть услышанным, прочитанным или даже заученным фрагментарно. И это не графомания величия, а честное желание искреннего перед бумагой, буквой и словом, перед своим грядущим читателем, человека.

Да, сейчас, в эпоху постмодернистского отверившего сознания, сложно надеяться на появление новой литературы, рождённой светлым порывом изменить мир. Вглядываясь в историю литературы последних десятилетий, с писательским профессиональным ужасом замечаешь масштаб глухоты общества, масштаб тугоухости жизни, масштаб неповоротливости, неодолимости этого ленивого душой безверия. Сложно надеяться недавно начавшему литератору на вескость своих слов хотя бы в будущем, на внимание к ним и, тем более, на послушание им, когда до него так громко прожили, такие судьбы одолели писатели общероссийского или всемирного уровня, вроде Александра Солженицына и Александра Зиновьева, так и не услышанные своей страной, не нужные ей к концу своих жизней, посвящённых поиску правды и пути России.

Какое уж нам окликать эту неодолимость, это агрессивное, взбешённое безверие, эту разудалую вольницу культа плоти, здоровья, силы и денег! А окликнуть, прикрик-

нуть на неё хочется, и ты с трудом понимаешь, проходя по улице, по жизни, в молчаньи ли твоём бессилие трусости или в окрике бессилие обезумевшего, сорвавшего жизнью нервы человека?